

Заметки о национализме. Джордж Оруэлл

Байрон где-то употребляет французское слово *longueur*[1 - Зд. приблизительно: «неясное томление».] и замечает мимоходом, что хотя в Англии у нас слова для этого нет, но обозначаемое им имеется в избытке. Подобным же образом, есть умонастроение, настолько сейчас распространённое, что влияет на наши мысли чуть ли не о каждом предмете, но всё ещё безымянное. В качестве ближайшего эквивалента я выбрал слово «национализм», но, как вскоре станет ясно, я употребляю его не совсем в обычном смысле – хотя бы потому, что чувства, о которых пойдёт речь, не обязательно направлены на нацию, то есть на какой-то один народ и географическую область. Оно может быть связано с какой-то церковью или классом, а может и действовать всего лишь негативно, против чего-то, без всякой потребности в позитивном объекте.

Под «национализмом» я подразумеваю прежде всего привычку думать, что людей можно классифицировать как насекомых и что к целым группам людей, численностью в миллионы и десятки миллионов, можно с уверенностью прикрепить ярлык «хорошие» или «плохие»[2 - О нациях и даже о ещё более неопределённых совокупностях, таких, как католическая церковь или пролетариат принято думать как об индивидуумах. В любой газете встречаешь явно абсурдные высказывания типа: «Германия по природе своей вероломна». А безответственные обобщения касательно национального характера («Испанец – прирождённый аристократ» или «Все англичане – лицемеры») слышишь чуть ли не от каждого. Время от времени жизнь наглядно показывает, что эти обобщения безосновательны, но привычка к ним сохраняется, и грешат этим даже люди, явно интернационалистических взглядов, например, Толстой и Бернард Шоу. (Прим. авт.)]. А во-вторых – и это ещё важнее, – я понимаю под ним привычку отождествлять себя с нацией или другой группой, ставя её выше добра и зла и не признавая другого долга, кроме защиты её интересов. Национализм не надо путать с патриотизмом. Оба слова употребляются настолько свободно, что любое определение будет спорным, однако между ними надо проводить различие, поскольку заключены в них две разные и даже противоположные идеи. Под патриотизмом я понимаю преданность определённому месту и определённому образу жизни, который ты считаешь наилучшим, но не желаешь навязывать другим. Патриотизм по своей природе оборонителен – и в военном, и в культурном смысле. Национализм же неотделим от стремления к власти. Неизменная цель всякого националиста – больше власти и больше престижа, не для себя, а для нации или иной группы, в которой он растворил свою индивидуальность.

Покуда речь идёт о легко опознаваемых и стяжавших дурную славу националистических движениях в Германии, Японии и других странах, всё это достаточно очевидно. Столкнувшись с таким явлением, как нацизм, который мы можем наблюдать извне, почти все отзовутся о нём одинаково. Но тут я должен повторить то, что сказал выше: я использую слово «национализм» лишь за неимением лучшего. В широком смысле, как я его понимаю, национализм включает в себя такие движения и тенденции, как коммунизм, политический католицизм, сионизм, антисемитизм, троцкизм и пацифизм. Он не обязательно означает верность правительству или стране, тем более своей стране, и даже не совсем обязательно, чтобы реально существовала группа, к которой он тяготеет. Вот несколько очевидных предметов. Еврейство, ислам, христианский мир, пролетариат и белая раса – все объекты страстных националистических чувств; но в существовании их вполне можно усомниться, и ни для одного из них нет такого определения, которое устроило бы всех.

Стоит ещё раз подчеркнуть, что националистическое чувство может быть чисто негативным. Есть, например, троцкисты, которые стали просто врагами СССР, но

определённого объекта лояльности не имеют. Если понять вытекающие из этого следствия, природа того, что я подразумеваю под национализмом станет гораздо яснее. Националист – это тот, кто мыслит исключительно или главным образом понятиями соперничества и престижа. Он может быть позитивным или негативным националистом – то есть может направить свою психическую энергию либо на возвышение, либо на очернение чего-то, – но в любом случае его мысли вращаются вокруг побед, поражений, триумфов и унижений. Историю, в особенности современную историю, он видит как беспрестанное возвышение или упадок каких-то могущественных сообществ, и всякое событие представляется ему доказательством того, что его сторона на подъёме, а какой-то ненавистный противник катится под уклон. Но важно не путать национализм с простым культом успеха. Националист не руководствуется принципом: примазаться к сильнейшей стороне. Наоборот, выбрав сторону, он убеждает себя, что она и есть сильнейшая, и способен держаться этого убеждения, даже когда все факты говорят об обратном. Национализм – жажда могущества, умеряемая самообманом. Каждый националист способен на самую вопиющую бесчестность, но, поскольку он сознательно служит чему-то большему себя, всегда непоколебимо уверен в своей правоте.

Теперь, когда я дал это пространное определение, мне кажется, можно утверждать, что умонастроение, о котором идёт речь, весьма распространено среди английской интеллигенции и больше – среди неё, чем среди остального народа. Ибо для тех, кого волнует современная политика, некоторые темы настолько увязаны с соображениями престижа, что вполне рациональный подход к ним почти невозможен. Из сотен примеров, имеющихся в нашем распоряжении, возьмём такой вопрос: кто из трёх союзников, СССР, Британия или США – сделал больше для разгрома Германии? Теоретически на него можно было бы дать обоснованный и даже бесспорный ответ. На деле, однако, необходимых выкладок сделать нельзя, ибо всякий, кто захочет поломать над этим вопросом голову, неизбежно будет рассматривать его в плане престижа. Поэтому он сначала решит его в пользу России, Британии или Америки и только потом станет подыскивать доводы, подтверждающие его мнение. И есть огромное множество подобных вопросов, на которые честный ответ можно получить лишь от того, кому вообще безразлична тема и чьё мнение, по всей вероятности, ничего не будет стоить. Этим отчасти объясняется поразительная близорукость сегодняшних политических и военных предсказаний. Любопытно, что из всех «экспертов», независимо от школы, не нашлось ни одного, который предвидел бы такое вероятное событие, как русско-германский пакт 1939 года[3 - Некоторые авторы консервативного направления, такие как Питер Дракер, предсказывали соглашение между Германией и Россией, но ожидали настоящего долговременного союза или слияния. Ни марксисты, ни другие левые писатели какой бы то ни было окраски даже не задумались о возможности такого пакта. (Прим. авт.)], а когда о пакте стало известно, стали даваться самые разнообразные объяснения и даваться предсказания, чуть ли не сразу опровергавшиеся событиями, поскольку основывались они почти всякий раз не на исследовании вероятностей, а на желании представить СССР хорошим или плохим, сильным или слабым. Политические и военные комментаторы, подобно астрологам, могут пережить без ущерба для себя любую ошибку, потому что их верные поклонники ждут от них не оценки фактов, а подогрева своих националистических чувств[4 - Военных комментаторов в популярной прессе можно подразделить на пророссийских и антироссийских, поклонников старозаветной английской военщины и противников. Такие ошибки, как вера в непреодолимость линии Мажино или предсказание, что Россия завоюет Германию за три месяца, не поколебали их репутации, ибо эти люди всегда говорят то, что хочет услышать их аудитория. Два военных критика, наиболее ценимые интеллигенцией, – капитан Лиддел Гарт и генерал-майор Фуллер; первый учит, что оборона сильнее наступления, второй – что наступление сильнее обороны. Это

противоречие не помешало им обоим считаться признанными теоретиками у одной и той же публики. Истинная причина моды на них в левых кругах – та, что оба не в ладах с военным министерством. (Прим. авт.)], и эстетические суждения, особенно литературные суждения, часто бывают искажены так же, как политические.

Индийскому националисту трудно получать удовольствие от Киплинга, а консерватору – разглядеть достоинство в Маяковском: всегда есть искушение сказать, что книга, чьё направление тебе не нравится, должна быть плохой в литературном отношении. Люди с националистическим мировоззрением часто совершают эту подтасовку, не сознавая своей нечестности.

В Англии, если брать в чисто количественном отношении, преобладающей формой национализма, вероятно, будет старорежимный британский джингоизм. Он, безусловно, ещё распространён и гораздо шире распространён, чем полагало большинство наблюдателей лет десять назад. Однако в этой статье меня занимают, главным образом, реакции интеллигентов, среди которых джингоизм и даже патриотизм старой складки почти умерли, хотя сейчас, кажется, возрождаются у меньшинства. Среди интеллигенции (об этом, наверное, излишне говорить) преобладающей формой национализма является коммунизм – если использовать это слово в очень широком смысле, подразумевая под ним не только членов коммунистической партии, но и «попутчиков», и русофилов вообще. Коммунистом я буду называть здесь того, кто видит в СССР своё Отечество и считает своим долгом оправдывать русскую политику и любой ценой отстаивать интересы России. Сегодня таких людей в Англии множество, их прямое и косвенное влияние очень сильно, но процветают и другие формы национализма, и, отмечая их общие черты, при всём несходстве и даже видимой противоположности разных течений мысли, мы лучше всего увидим проблему в целом.

Десять или двадцать лет назад формой национализма, наиболее соответствующей сегодняшнему коммунизму, был политический католицизм. Самым выдающимся его представителем – хотя это, скорее, крайний случай, чем типичный, – был Г. К. Честертон. Честертон, писатель незаурядного таланта, принёс своё эстетическое чувство и свою интеллектуальную честность в жертву пропаганде католичества. В последние двадцать лет жизни всё им написанное, было по существу бесконечным повторением одной и той же мысли, под вымученной элегантностью, простой и унылой, как «Велика Диана Ефесская». Каждая книжка, каждый абзац, каждая фраза, каждое происшествие в каждом рассказе, каждый обрывок диалога должен был недвусмысленно продемонстрировать превосходство католика над протестантом или язычником. Но Честертону мало было превосходства только интеллектуального или духовного: его надо было перевести на язык национального престижа и военной мощи, результатом чего явилась невежественная идеализация латинских стран, особенно Франции. Во Франции Честертон жил недолго, и изображаемая им картина страны, где католические крестьяне беспрестанно поют «Марсельезу», сидя за красным вином имеет такое же отношение к действительности, как «Чу Чин Чао» [5 - Мюзикл 1916 г. по мотивам «Али Бабы и сорока разбойников».] – к повседневной жизни Багдада. И сопутствует этому не только колоссальная переоценка французской военной мощи (и до, и после Первой мировой войны он утверждал, что Франция сильнее Германии), но и глупое, пошлое восхваление самого процесса войны. По сравнению с его военными стихотворениями, такими как «Лепанто» или «Баллада о святой Барбаре», «Атака лёгкой бригады» выглядит как пацифистский трактат: это, наверное, самые безвкусные образчики ходульности из всего, что написано на нашем языке. И вот что интересно: если бы эта романтическая чепуха, которую он обычно писал о Франции и французской армии, была написана кем-то о Британии и британской армии, он первый высмеял бы её. Во внутренней политике он был сторонником «малой Англии», настоящим врагом джингоизма и империализма, и, в

своем понимании, другом демократии. Но стоило ему выглянуть во внешний мир, он забывал свои принципы, даже не замечая этого. Так, его почти мистическая вера в достоинство демократии не мешала ему восхищаться Муссолини. Муссолини уничтожил представительскую власть и свободу слова, за которую Честертон так упорно сражался дома, но Муссолини был итальянец, он сделал Италию сильной, и это решало дело. Ни одного плохого слова не сказал Честертон о покорении итальянцами и французами цветных народов, об их империализме. Чувство реальности, литературный вкус и даже в какой-то степени нравственное чувство тут же отказывали ему, как только в игру вступал его национализм. Очевидно, что есть существенное сходство между политическим католицизмом, ярким представителем которого был Честертон, и коммунизмом. А также между ними и, например, шотландским национализмом, сионизмом, антисемитизмом или троцкизмом. Сказать, что все формы национализма одинаковы, даже по духу, было бы чрезмерным упрощением, но есть черты, для всех них общие. Вот главные характеристики националистического мышления:

Одержимость. Насколько это вообще возможно, националист не думает, не говорит, не пишет ни о чём, кроме как о превосходстве своей группы. Для любого националиста трудно и даже невозможно скрыть свою ангажированность. Малейшее неуважение к его группе или подразумеваемая похвала соперничающей организации вызывают у него беспокойство, освободиться от которого он может, только дав резкую отповедь. Если объект его чувств – страна, например, Ирландия или Индия, он будет настаивать на её превосходстве не только в военной силе и политическом устройстве, но и в искусстве, литературе, спорте, строении языка, физической красоте её обитателей и, может быть даже, в климате, ландшафтах и кухне. Он весьма чувствителен к таким вещам, как правильное вывешивание флагов, относительный размер заголовков и порядок наименования стран[6 - Некоторые американцы выражали недовольство принятым сочетанием «англо-американский», предлагали заменить его на «американо-британский». (Прим. авт.)]. В националистической мысли всякого рода наименования играют очень важную роль. Страны, завоевавшие независимость или пережившие националистическую революцию, обычно меняют своё название, и всякая страна или иное объединение, являющееся объектом сильных чувств, скорее всего будут иметь несколько названий, нагруженных разными смыслами. У двух сторон в гражданской войне в Испании было девять или десять названий, выражающих разные степени любви и ненависти. Некоторые из этих названий («патриоты» у сторонников Франко или «лоялисты» у сторонников правительства) явно были сомнительными, и ни одно из них обе враждующие стороны не устраивало. Все националисты считают своим долгом распространять свой язык, в противовес языкам «соперников»; среди англоговорящих эта борьба выливается в более тонкие формы – в соперничество диалектов. Американец-англофоб не употребит жаргонной фразы, если знает, что она британского происхождения, а за конфликтом «латинизаторов» и «германизаторов» часто кроются националистические мотивы. Шотландские националисты доказывают превосходство жителей низменной Шотландии, а социалистов, чей национализм принял форму классовой ненависти, бесит произношение дикторов Би-Би-Си и даже открытое «А». Примеры можно множить. Часто кажется, что мышление националистов окрашено верой в симпатическую магию – проявляется это в распространённом обычае сжигать чучело политических врагов или использовать их изображения как мишени в тирах.

Неустойчивость. Напряжённость националистических чувств не препятствует их переносу. Как я уже говорил, они могут быть и часто бывают направлены на какую-нибудь зарубежную страну. Это вполне обычное дело, что великие национальные лидеры или основатели националистических движений не уроженцы страны, которую они прославили. Иногда они просто иностранцы, но чаще являются с

периферии, где национальность сомнительна. Примеры – Сталин, Гитлер, Наполеон, де Валера, Дизраэли, Пуанкаре, Бивербрук. Пангерманизм – отчасти создание англичанина, Хаустона Чемберлена. В последние 50-100 лет перенесённый национализм был обычным явлением среди литераторов. Для Лавкадио Сёрна центром притяжения была Япония[7 - Лавкадио Сёрн (1850-1904) – английский писатель и журналист греко-ирландского происхождения, натурализовался в Японии.], для Карлейля и многих его современников – Германия, а в наше время это обычно Россия. Но любопытно, что возможен и обратный перенос. Страна или иная группа, которую боготворили годами, внезапно может стать отвратительной, и её место чуть ли не мгновенно может занять другой объект любви. В первом варианте «Очерка истории» и других работах того времени Г. Дж. Уэллс восхваляет Соединенные Штаты почти так же неумеренно, как коммунисты в наши дни – Россию; но через несколько лет это безграничное восхищение сменилось враждебностью. Фанатичный коммунист, за несколько недель или даже дней превратившийся в столь же фанатичного троцкиста, – обычное явление. В континентальной Европе фашистское движение сильно пополнялось коммунистами, но в ближайшие несколько лет процесс может смениться на обратный. Постоянным у националиста остаётся лишь состояние ума: объект привязанности меняется и может быть воображаемым.

А у интеллектуала перенос выполняет важную функцию, о которой я кратко упомянул в связи с Честертоном. Перенос позволяет ему быть гораздо большим националистом – более вульгарным, более глупым, более злобным, более нечестным – чем если бы объектом была родная страна или объединение, которое человек знает по-настоящему. Когда видишь рабелепную или хвастливую чепуху, написанную довольно умными и чувствительными людьми, о Сталине, Красной армии и т. д., становится ясно, что в сознании произошёл какой-то вывих. В обществах, подобных нашему, не часто бывает, чтобы человек, имеющий право называться интеллектуалом, испытывал очень сильную привязанность к своей стране. Ему не позволит этого общественное мнение – то есть та часть общественного мнения, к которой он как интеллектуал восприимчив. Его окружение в большинстве своём недоволено и настроено скептически, и он может усвоить это отношение из подражательности или чистой трусости; в этом случае он избегнет рядом лежащей формы национализма, ничуть не приблизившись к подлинно интернационалистскому мировоззрению. Он всё равно ощущает потребность в Отечестве и, естественно, обращает взгляд за границу. Обретя искомое, он может необузданно предаваться тем самым чувствам, от которых, ему кажется, он освободился. Бог, король, империя, Юнион Джек – все свергнутые идолы восстанут вновь в другом облике, и он, поскольку не признал их за таковых, может поклоняться им с чистой совестью. Перенесённый национализм, так же, как манёвр с козлом отпущения, – это способ обрести спасение, не меняя дурных привычек.

Безразличие к реальности. Все националисты обладают способностью не видеть сходства между аналогичными рядами фактов. Британский тори будет защищать самоопределение в Европе и противиться самоопределению Индии, не сознавая своей непоследовательности. Действия оцениваются как хорошие или плохие не в соответствии с их характером, а соответственно тому, кто их осуществляет, и, наверное, нет такого безобразия – пытки, взятие заложников, принудительный труд, массовые депортации, тюремное заключение без суда, фальсификации, убийства, бомбардировка гражданского населения, – которое не меняло бы своего морального знака, будучи совершено «нашими». Либеральная «Ньюс кроникл» опубликовала как пример неслыханного варварства фотографии повешенных немцами русских, а спустя год или два – с горячим одобрением – почти такие же фотографии немцев, повешенных русскими[8 - «Ньюс кроникл» советовала читателям посмотреть кинохронику, где казнь была заснята полностью, крупным планом. «Стар», также с

одобрением напечатала фотографии почти голых коллаборационисток, преследуемых парижской толпой. Эти фотографии весьма напоминали нацистские фотографии евреев, над которыми издевалась берлинская толпа. (Прим. авт.)]. То же самое с историческими событиями. Историю часто оценивают с националистических позиций: Инквизиция, пытки, Звёздная палата, дела английских пиратов (сэр Френсис Дрейк, например, любил топить испанских пленников), якобинский террор, сотни сипаев, расстрелянных из пушек после восстания, солдаты Кромвеля, резавшие лица ирландцам бритвами, – всё это морально не квалифицировалось или даже считалось похвальным, когда служило «правому» делу. Если вспомнить прошедшую четверть столетия, окажется, что не проходило и года без того, чтобы из какой-нибудь части света не сообщали о зверствах; однако ни в одном случае – будь то зверства в Испании, в России, в Китае, в Венгрии, в Мексике, в Амритсаре, в Смирне – английская интеллигенция в целом не поверила в эти зверства и не осудила их. Достойны ли они осуждения, да и вообще, совершались ли – всегда решалось в соответствии с политическими пристрастиями.

Националист не только не осуждает зверств, совершённых его страной, – он обладает замечательной способностью даже не слышать о них. Целых шесть лет английские поклонники Гитлера умудрялись не знать о существовании Дахау и Бухенвальда. А те, кто громче всех возмущается немецкими концлагерями, совсем не знают или почти ничего не знают о концлагерях в России. Колоссальные события вроде голода на Украине в 1933 году, унёсшего миллионы жизней, ускользнули от внимания большинства английских русофилов. Многие англичане почти ничего не слышали об истреблении немецких и польских евреев во время нынешней войны. Из-за их собственного антисемитизма известия об этом ужасном преступлении отскакивают от их сознания. Для националистического сознания есть факты, одновременно истинные и ложные, известные и неизвестные. Известный факт может быть настолько невыносим, что его отодвигают от себя, не включают в логические процессы или же, наоборот, он может учитываться в каждом расчёте, но фактом при этом не признаваться, даже когда человек остаётся наедине с собой.

Каждый националист живёт с убеждением, что прошлое можно изменить. Часть времени он проводит в мире фантазий, где всё происходит как должно, – где, например, Великая армада достигает цели, а русская революция подавлена в 1918 году, – и фрагменты этого мира он при всякой возможности переносит в книги по истории. Большая часть пропагандистских писаний в наше время – чистый подлог. Физические факты утаиваются, даты изменяются, цитаты изымаются из контекста и препарируются так, что меняют смысл. События, которым не надо было бы произойти, не упоминаются и в конечном счете отрицаются[9 - Пример – русско-германский пакт, который стирают из сознания публики со всей возможной быстротой. Русский корреспондент сообщает мне, что пакт уже не упоминается в русских ежегодниках со сводками последних политических событий. (Прим. авт.)]. В 1927 году Чан Кайши живьём сварил сотни коммунистов, а через десять лет стал у левых героем. Из-за перегруппировки в мировой политике он оказался в стане антифашистов, и решено поэтому, что варка коммунистов «не в счёт» – или её вообще не было. Первая цель пропаганды – конечно, повлиять на мнение современников, но те, кто переписывает историю, вероятно, отчасти верят, что действительно вводят в прошлое факты. Когда присмотришься к старательно изготовленным подлогам, цель которых доказать, что Троцкий не играл важной роли в гражданской войне, трудно представить себе, что авторы просто лгут. Скорее всего, им кажется, что их версия и есть то, что видел сверху Бог, и они вправе отредактировать документы соответственно.

Равнодушию к объективной истине способствует разгороженность мира, из-за которой всё труднее и труднее становится выяснить, что было на самом деле. Самые

масштабные события – и те зачастую вызывают сомнение. Например, невозможно подсчитать с точностью до миллионов или даже десятков миллионов число погибших в нынешней войне. Бедствия, о которых сообщают то и дело, – сражение, резня, голод, революция – вызывают у обывателя ощущение нереальности. Нет возможности проверить факты, человек даже не вполне уверен, что они имели место, и разные источники всегда предлагают ему совершенно разные истолкования. Что было правильного и неправильного в варшавском восстании в августе 1944 года? Правду ли говорят о немецких газовых камерах в Польше? Кто был виновником голода в Бенгалии? Правду, вероятно, можно установить, но почти все газеты подавали факты так нечестно, что обыкновенному читателю можно простить и веру в вымыслы, и неспособность вообще составить какое-то мнение. Достоверной картины того, что происходит на самом деле, нет, и от этого легче держаться безумных убеждений. Поскольку ничто окончательно не доказано и не опровергнуто, самый несомненный факт можно бесстыдно отрицать. Кроме того, без конца размышляя о силе, победе, поражении, мести, националист зачастую не очень-то интересуется тем, что происходит в реальном мире. Нужно ему другое – ощущение, что его группа одерживает верх над какой-то другой, а ощутить это легче, срезав оппонента, нежели изучая факты, дабы выяснить, подтверждают ли они твою правоту. Вся националистическая полемика ведётся на уровне клубных дискуссий. Она не приводит ни к какому результату, поскольку каждый диспутант неизменно считает себя победителем. Некоторые националисты недалеки от шизофрении – они живут в блаженных грёзах о могуществе и завоеваниях в полном отрыве от реального мира.

Я описал, как мог, склад ума, характерный для всех форм национализма. Теперь надо классифицировать эти формы, хотя исчерпывающей классификации дать нельзя. Национализм – необъятная тема. Человечество страдает бесчисленными иллюзиями и ненавистями, которые переплетаются самым сложным образом, причём некоторые из самых зловещих ещё не внедрились в европейское сознание. В этой статье меня занимает тот национализм, который встречается среди английской интеллигенции. У неё гораздо чаще, чем у простых англичан, он существует без примеси патриотизма, и потому его можно изучать в чистом виде. Ниже перечислены с необходимыми пояснениями разновидности национализма, распространённые сегодня среди английской интеллигенции. Их удобнее разделить на три категории: позитивный, перенесённый и негативный национализм, хотя некоторые разновидности не подпадают ни под одну категорию.

Позитивный национализм

1. Неоторизм. Он представлен такими людьми, как лорд Элтон, А. Б. Герберт, Дж. М. Янг, профессор Пикторн, а также литературой Комитета тори за реформы и журналами «Нью инглиш ревью», «Найнтинс сенчури энд афтер». Подлинной движущей силой неоторизма, придающей ему националистический характер и отличающей его от обычного консерватизма, является нежелание признать, что британская мощь и влияние уменьшились. Даже те, у кого хватает трезвости понять, что военное положение Британии теперь не такое, как прежде, утверждают порой, что в мире должны господствовать «английские идеи» (не давая им обычно определения). Все неотори настроены против России, но иногда главный упор делается на антиамериканизме. Знаменательно в этом течении то, что оно приобретает популярность среди более молодых интеллектуалов, иногда бывших коммунистов, переживших обычную утрату иллюзий и потому разочаровавшихся в этом учении. Англофоб, внезапно превратившийся в яростного пробританца, – довольно обычная фигура. Это можно было наблюдать на Ф. А. Войте, Малькольме Маггеридже, Ивiline

Во, Хью Кингсмилле; подобную психологическую эволюцию переживали Т. С. Элиот, Уиндем Льюис и разные их последователи.

2. Кельтский национализм. Валлийский, ирландский и шотландский национализм кое в чём отличаются, но их роднит антианглийская ориентация. Участники этих трёх движений были против войны, в то же время характеризуя себя как сторонников России, а наиболее оголтелые умудрялись быть одновременно и русофилами, и пронацистами. Но кельтские национализм – не тождествен англофобии. Он движим верой в прошлое и будущее величие кельтских народов и сильно отдаёт расизмом. Считается, что кельт духовно превосходит англосакса – он непосредственнее, больше одарён творчески, менее вульгарен, меньший сноб и т. д., – но под этим всё та же жажда могущества. Один из её симптомов – иллюзия, будто Эйре, Шотландия и даже Уэльс могли бы сохранить независимость без посторонней помощи и ничем не обязаны британской защите. Типичные писатели этого направления – Хью Макдайармид и Шон О’Кейси. Ни один современный ирландский писатель, даже такого калибра, как Йейтс или Джойс, не вполне свободен от националистических настроений.

3. Сионизм. Он обладает всеми обычными чертами националистического движения, но американский вариант его кажется более горячим и злобным, чем британский. Я отношу его к прямому, а не к перенесённому национализму потому, что он распространён почти исключительно среди самих евреев. В Англии по нескольким весьма разнородным причинам интеллигенция в палестинском вопросе большей частью поддерживает евреев, хотя и не слишком горячо. В Англии все люди доброй воли настроены проеврейски в том смысле, что осуждают нацистские гонения. Но настоящий еврейский националист или вера в природное превосходство евреев у людей нееврейской национальности едва ли встречаются.

Перенесённый национализм

1. Коммунизм.

2. Политический католицизм.

3. Расовые предрассудки. Презрительное отношение к «туземцам» в Англии по большей части забыто, и разные псевдонаучные теории, настаивавшие на превосходстве белой расы, хождения не имеют [10 - Хороший пример – предрассудок касательно солнечного удара. До последнего времени считалось, что белые более подвержены солнечному удару, чем цветные, и что белому небезопасно ходить под южным солнцем без тропического шлема. Никаких свидетельств в пользу этой теории нет, но она подчёркивала разницу между «туземцами» и европейцами. В ходе нынешней войны теорию благополучно забыли, и целые армии передвигаются без тропических шлемов. Пока этот предрассудок существовал, английские врачи в Индии верили в него так же твёрдо, как все прочие. (Прим. авт.)]. Среди интеллигенции этот предрассудок существует только с обратным знаком – как вера в превосходство цветных рас. У английских интеллектуалов он встречается всё чаще – и объясняется скорее мазохизмом и сексуальными разочарованиями, чем контактами с восточными и негритянскими националистическими движениями. Но даже у тех, кого вопрос цвета кожи не сильно волнует, большую роль играет снобизм и подражательство. Чуть ли не каждый английский интеллектуал будет скандализован утверждением, что белая раса превосходит цветные, зато в противоположном утверждении он не усмотрит ничего возмутительного, даже если с ним не согласен. Националистической привязанности к цветным расам обычно сопутствует представление, будто у них

богаче сексуальная жизнь, и существует целая негласная мифология насчёт сексуальной одарённости негров.

4. Классовое чувство. Среди интеллектуалов из среднего и высшего класса встречается только в форме перенесённого – то есть как вера в превосходство пролетариата. И здесь на интеллигенцию сильнее всего образом влияет общественное мнение. Националистическая преданность пролетариату и самая жгучая теоретическая ненависть к буржуазии часто совмещаются с обычным снобизмом в повседневной жизни.

5. Пацифизм. Большинство пацифистов либо принадлежат к малозначительным религиозным сектам, либо это просто гуманисты, которые возражают против того, чтобы людей лишали жизни, и дальше этой мысли не идут. Но среди пацифистов-интеллектуалов есть меньшинство, у которого в подоплёке пацифизма – ненависть к западной демократии и преклонение перед тоталитаризмом. Пацифистская пропаганда обычно сводится к тезису, что одна сторона ничем не лучше другой, но если присмотреться к писаниям более молодых пацифистов, оказывается, что они не беспристрастны в осуждении обеих систем, а настроены против Британии и Соединённых Штатов. Больше того, как правило, они не осуждают насилие как таковое, а только насилие, используемое для обороны западных стран. Русских, в отличие от британцев, не винят за то, что они защищаются военными средствами, да и вообще пацифистская пропаганда этого толка избегает упоминания о России и Китае. Опять-таки, не говорится, что индийцы должны отказаться от насилия в своей борьбе с британцами. Пацифистская литература изобилует туманными заявлениями, в которых если и есть какой-то смысл, то только тот, что государственные деятели, подобные Гитлеру, предпочтительнее таких, как Черчилль, а насилие, пожалуй, извинительно, если оно достаточно жестокое. После падения Франции французские пацифисты, очутившись перед выбором, которого их английским единоверцам удалось избежать, по большей части перешли к нацистам, а в Англии некоторое количество людей состояло одновременно в Союзе обета мира и в Британском союзе фашистов. Пацифистские авторы восхваляли Карлейля, одного из интеллектуальных родоначальников фашизма. В общем и целом, трудно отделаться от мысли, что в основе пацифизма, присущего определённой части интеллигенции, лежит преклонение перед силой и победительной жестокостью. Ошибкой было сфокусировать эту эмоцию на Гитлере, но всегда можно переориентироваться.

Негативный национализм

1. Англофобия. Среди интеллигенции презрительное и слегка враждебное отношение к Британии более или менее обязательно, но во многих случаях это и потребность души. Во время войны это проявилось в пораженческих настроениях интеллигенции, сохранявшихся и тогда, когда давно было ясно, что державы оси победить не могут. Многие откровенно радовались, когда пал Сингапур или когда британцев вытеснили из Греции; удивляло нежелание верить хорошим известиям – например, об Эль-Аламейне или о числе немецких самолётов, уничтоженных в битве над Англией. Конечно, английские левые интеллектуалы не хотели, чтобы войну выиграла Германия или Япония, но многие испытывали некоторое удовольствие при виде унижения своей страны и хотели бы думать, что окончательная победа одержана благодаря России или, скажем, Америке, а не Британии. В международной политике многие интеллигенты руководствуются принципом, что любая группировка, поддерживаемая Британией, заведомо не права. В результате, «просвещённое» мнение в большой своей части оказывается зеркальным отражением консервативной политики. Англофобия всегда может обернуться своей противоположностью; отсюда – довольно

обычное перевоплощение: противник одной войны становится поборником следующей.

2. Антисемитизм. Сейчас он мало заметен, потому что нацистские преследования заставляют каждого мыслящего человека занять сторону евреев. Всякий более или менее образованный человек, слышавший слово «антисемитизм», утверждает, что непричастен к нему, а в литературу всякого рода антиеврейские высказывания стараются не пропустить. На самом деле, антисемитизм, по-видимому, распространён даже среди интеллигенции, и всеобщий заговор молчания, вероятно, его обостряет. Ему подвержены и люди левых убеждений; на их позиции сказывается то, что троцкисты и анархисты – чаще всего евреи. Но более склонны к антисемитизму люди консервативных взглядов, подозревающие евреев в том, что они ослабляют моральный дух нации и разжигают её культуру. Всегда готовы впасть в антисемитизм – по крайней мере, на какое-то время – неотори и политизированные католики.

3. Троцкизм. Этот термин употребляется расширительно, так что под него попадают анархисты, социал-демократы и даже либералы. Я же обозначаю им здесь марксиста-доктринёра, движимого в основном враждебностью к сталинскому режиму. С троцкизмом лучше знакомиться по малоупотребительным брошюрам или газетам вроде «Соушалист апил», чем по работам самого Троцкого, который отнюдь не был человеком одной идеи. Хотя в некоторых странах, например, в США троцкизм способен привлечь изрядное количество последователей и превратиться в организованное движение со своим мелким фюрером, вдохновляющая идея его – по существу, отрицательная. Троцкист против Сталина, так же, как коммунист – за него, и подобно большинству коммунистов, он хочет не столько изменить внешний мир, сколько почувствовать, что сражение за престиж развивается в его пользу. В обоих случаях имеет место одинаковая фиксация на единственном предмете, одинаковая неспособность сформировать вполне рациональное мнение, основанное на фактах. Из-за того, что троцкисты повсюду – преследуемое меньшинство, и обычное обвинение против них – в сотрудничестве с фашистами – вполне ложно, создаётся впечатление, будто троцкизм интеллектуально и морально стоит выше коммунизма; но большую разницу между ними увидеть трудно. Типичные троцкисты, в любом случае, – бывшие коммунисты, и к троцкизму не приходят иначе, как через одно из левых движений. Ни один коммунист, если он не привязан к партии многолетней привычкой, не застрахован от внезапного впадения в троцкизм. Обратный процесс наблюдается не так часто, хотя определённого объяснения этому нет.

Из приведённой классификации видно, что во многих случаях я преувеличивал, чрезмерно упрощал вопрос, делал необоснованные допущения и вовсе игнорировал существование обыкновенных, приличных мотивов. Это было неизбежно, потому что в данной статье я пытаюсь выделить и обозначить тенденции, которые существуют в нашем сознании и извращают наше мышление, хотя не обязательно проявляются в чистом виде и действуют непрерывно. Теперь пора подправить эту по необходимости упрощённую картину. Прежде всего, мы не имеем права предполагать, что каждый – или хотя бы каждый интеллигент – заражён национализмом. Во-вторых, национализм может быть ограниченным и непостоянным. Мыслящий человек может наполовину уверовать в привлекательную идею, понимая при этом её абсурдность, и может надолго выбрасывать её из головы, возвращаясь к ней только под влиянием гнева или сентиментальности, – или же будучи уверен, что в эту минуту не затронут серьёзный вопрос. В-третьих, к националистической идее можно придти чистосердечно, из ненационалистических побуждений. В-четвёртых, в одном человеке могут сосуществовать несколько видов национализма, даже взаимоисключающих.

Я всё время говорил: «националист делает то», «националист делает это»,

используя для иллюстрации крайний, едва ли вменяемый тип националиста, у которого нет нейтральных зон в сознании и нет интереса к чему либо, кроме борьбы за власть. На самом деле, таких людей сколько угодно, но на них не стоило бы тратить порох. В жизни с лордом Элтоном, Д. Н. Приттом, с леди Хаустон, Эзрой Паундом, лордом Ванситтартом, отцом Коглином и всем их унылым племенем надо бороться, но останавливаться на их умственных изъянах едва ли стоит. Мономания неинтересна, и то, что ни один националист фанатичной складки не способен написать книжку, которую стоило бы прочесть через несколько лет, само по себе производит определённый дезодорирующий эффект. Даже признав, что национализм восторжествовал не везде, что ещё есть люди, чьи суждения не вполне подвластны страстям, мы никуда не уйдём от того факта, что важнейшие проблемы: Индия, Польша, Палестина, гражданская война в Испании, московские процессы, американские негры, русско-германский пакт – какую ни возьми – невозможно обсуждать (по крайней мере, никогда не обсуждают) на уровне разума. Элтоны, Притты и Коглины, каждый из них – просто огромный рот, снова и снова изрыгающий одну и ту же ложь, и это, очевидно, – крайние случаи, но мы обманываем себя, если не сознаём, что можем стать похожими на них, когда теряем над собой контроль. Прозвучит не та нота, наступят на тот или иной мозоль, а мозоль может оказаться таким, о существовании которого до сих пор не подозревали, – и самый здравомыслящий, добродушный человек может превратиться в неистового фанатика, одержимого одним желанием – победить оппонента и безразличного к тому, сколько он будет при этом лгать и сколько совершит логических ошибок. Когда Ллойд Джордж, противник бурской войны, объявил в палате общин, что если сложить британские сводки, то буров убито больше, чем жило в стране, Артур Бальфур вскочил с криком: «Невежа!» Очень немногие застрахованы от подобных оплошностей. Негр, униженный белой женщиной, англичанин, в чьём присутствии американец поносит Англию, апологет католичества, которому напомнили о Великой армаде,отреагируют примерно таким же образом. Стоит задеть националистический нерв, и куда-то деваются интеллектуальные приличия, меняется прошлое, отрицаются самые очевидные факты.

Если где-то в сознании сидит националистическая привязанность или ненависть, заведомо истинные факты могут стать неприемлемыми. Вот несколько примеров. Я перечислю пять типов националистов и против каждого поставлю факт, которого этот националист признать не может, даже втайне:

Британский тори. После этой войны могущество и престиж Британии уменьшатся.

Коммунист. Если бы не помощь Британии и Америки, Германия победила бы Россию.

Ирландский националист. Эйре может сохранять независимость только благодаря британской защите.

Троцкист. Сталинский режим устраивает русских.

Пацифист. Тот, кто «отказывается» от насилия, имеет такую возможность только потому, что другие совершают насилие ради него.

Все эти факты совершенно очевидны, пока в игру не вступают эмоции: но для названных персонажей они непереносимы, поэтому их надо отрицать и на отрицании строить ложные теории. Вернусь к поразительной беспомощности военных предсказаний в этой войне. Думаю, правильно будет сказать, что интеллигенция хуже оценивала ход военных действий, чем простой народ, и больше руководствовалась пристрастиями. Левые интеллигенты в массе своей верили,

например, в 1940 году, что война проиграна, в 1942 – что немцы захватят Египет, что японцев никогда не прогонят с захваченных территорий, что англо-американские бомбардировки не производят впечатления на немцев. Верили они в это потому, что ненависть к британскому правящему классу не позволяла им поверить в осуществимость британских планов. Нет такой глупости, в которую не уверовал бы человек под влиянием подобных эмоций. Например, мне сообщали по секрету, что американские войска прибыли в Европу не для того, чтобы сражаться с немцами, а для того, чтобы подавить английскую революцию. Чтобы поверить в нечто подобное, надо быть интеллигентом: простой человек не может быть таким дураком. Когда Гитлер вторгся в Россию, чиновники министерства информации «в порядке справки» выдали предупреждение, что Россия может рухнуть через шесть недель. С другой стороны, коммунисты рассматривали каждую фазу войны как русскую победу, даже когда русские отступили почти к Каспийскому морю и потеряли несколько миллионов пленными. Нет нужды множить примеры. Суть в том, что как только в игру вступают страх, ненависть, зависть и культ силы, сразу отказывает чувство реальности. И, как я уже говорил, утрачиваются представления о праведном и неправедном. Нет такого преступления – то есть вообще нет – которое не прощалось бы, если его совершают «наши». Даже если это преступление нельзя отрицать, даже если известно, что точно такое же осуждалось в каком-то другом случае, даже если ум говорит, что оно не оправдано, – чувство не признаёт его неправедным. Когда говорит приверженность, жалость молчит.

Причины роста и распространения национализма – слишком обширный вопрос, и здесь не место его рассматривать. Достаточно сказать, что в тех формах, в каких он проявляется у английской интеллигенции, это – прямое отражение ужасных битв, происходящих во внешнем мире, и что причиной худших его безумств стал упадок патриотизма и религиозной веры. Если развивать эту мысль дальше, есть опасность дойти до некоего консерватизма или до политического квиетизма. Например, можно утверждать – и, по всей вероятности, даже справедливо, – что патриотизм – прививка против национализма, что монархия предохраняет от диктатуры, а организованная религия – от суеверий. Или же можно доказывать, что непредвзятого взгляда на жизнь не бывает, что все верования и политические устремления одинаково чреватy ложью, глупостями и варварством, и это часто используется как довод против любого участия в политике. Я не принимаю этот довод хотя бы потому, что в современном мире ни один человек, причисляемый к интеллигентам не может быть вне политики – в том смысле, что не может быть к ней безразличен. Я думаю, что в политике надо участвовать – понимая её в широком смысле, – и что предпочтения надо иметь: то есть надо сознавать, что одни цели объективно лучше других, даже если они достигаются такими же плохими средствами. Что же касается националистических пристрастий и ненавистей, то, нравится нам это или нет, большинство из нас от них не свободны. Можно ли избавиться от них, я не знаю, но уверен, что бороться с ними можно, и что требуется тут, в сущности, нравственное усилие. Необходимо прежде всего разобраться в себе, разобраться в своих чувствах, а затем учитывать неизбежную свою предвзятость. Если вы ненавидите Россию и боитесь её, если вы завидуете богатству и мощи Америки, если вы презираете евреев, если ощущаете свою неполноценность, сравнивая себя с британским правящим классом, вы не избавитесь от этих чувств просто путём размышлений. Но, по крайней мере, вы можете отдать себе в них отчёт и не допустить, чтобы они исказили ваши мыслительные процессы. Эмоциональные побуждения, которые неизбежны и, наверное, даже необходимы для политического действия, не должны препятствовать восприятию действительности. Но для этого, повторяю, требуется нравственное усилие, а современная английская литература, в той мере, в какой она откликается на главные проблемы нашего времени, показывает, как мало среди нас людей, готовых его сделать.

Примечания

1 Зд. приблизительно: «неясное томление».

2 О нациях и даже о ещё более неопределённых совокупностях, таких, как католическая церковь или пролетариат принято думать как об индивидуумах. В любой газете встречаешь явно абсурдные высказывания типа: «Германия по природе своей вероломна». А безответственные обобщения касательно национального характера («Испанец – прирождённый аристократ» или «Все англичане – лицемеры») слышишь чуть ли не от каждого. Время от времени жизнь наглядно показывает, что эти обобщения безосновательны, но привычка к ним сохраняется, и грешат этим даже люди, явно интернационалистических взглядов, например, Толстой и Бернанд Шоу. (Прим. авт.)

3 Некоторые авторы консервативного направления, такие как Питер Дракер, предсказывали соглашение между Германией и Россией, но ожидали настоящего долговременного союза или слияния. Ни марксисты, ни другие левые писатели какой бы то ни было окраски даже не задумались о возможности такого пакта. (Прим. авт.)

4 Военных комментаторов в популярной прессе можно подразделить на пророссийских и антироссийских, поклонников старозаветной английской военщины и противников. Такие ошибки, как вера в непреодолимость линии Мажино или предсказание, что Россия завоюет Германию за три месяца, не поколебали их репутации, ибо эти люди всегда говорят то, что хочет услышать их аудитория. Два военных критика, наиболее ценимые интеллигенцией, – капитан Лиддел Гарт и генерал-майор Фуллер; первый учит, что оборона сильнее наступления, второй – что наступление сильнее обороны. Это противоречие не помешало им обоим считаться признанными теоретиками у одной и той же публики. Истинная причина моды на них в левых кругах – та, что оба не в ладах с военным министерством. (Прим. авт.)

5 Мюзикл 1916 г. по мотивам «Али Бабы и сорока разбойников».

6 Некоторые американцы выражали недовольство принятым сочетанием «англо-американский», предлагали заменить его на «американо-британский». (Прим. авт.)

7 Лавкадио Сёрн (1850-1904) – английский писатель и журналист греко-ирландского происхождения, натурализовался в Японии.

8 «Ньюс кроникл» советовала читателям посмотреть кинохронику, где казнь была заснята полностью, крупным планом. «Стар», также с одобрением напечатала фотографии почти голых коллаборационисток, преследуемых парижской толпой. Эти фотографии весьма напоминали нацистские фотографии евреев, над которыми издевалась берлинская толпа. (Прим. авт.)

9 Пример – русско-германский пакт, который стирают из сознания публики со всей возможной быстротой. Русский корреспондент сообщает мне, что пакт уже не упоминается в русских ежегодниках со сводками последних политических событий. (Прим. авт.)

10 Хороший пример – предрассудок касательно солнечного удара. До последнего времени считалось, что белые более подвержены солнечному удару, чем цветные, и

что белому небезопасно ходить под южным солнцем без тропического шлема. Никаких свидетельств в пользу этой теории нет, но она подчёркивала разницу между «туземцами» и европейцами. В ходе нынешней войны теорию благополучно забыли, и целые армии передвигаются без тропических шлемов. Пока этот предрассудок существовал, английские врачи в Индии верили в него так же твёрдо, как все прочие. (Прим. авт.)